

*АМОСОВА С., отв. ред.,
Лепель: память о еврейском местечке*

Москва, Сэфер, 2015, 496 с.*

Борис Евгеньевич Рашковский

Всероссийская государственная
библиотека иностранной литературы
имени М. И. Рудомино
Москва, Россия

Boris Ye. Rashkovskiy

Margarita Rudomino All-Russia State
Library for Foreign Literature
Moscow, Russia

Новая книга центра “Сэфер” продолжает серию публикаций по истории материального и духовного наследия белорусского еврейства и памяти о еврейском населении, сохраняющейся и поныне среди жителей бывших еврейских городов и местечек. Первая в этой серии коллективная монография была посвящена описанию местечка Желудок [Копченова 2013], расположенного на территории современной Гродненской области Белоруссии. Рецензируемое издание переносит нас в восточно-белорусский городок Лепель — районный центр Витебской области.

Как и предшествующее издание в этой серии, оно представляет собой публикацию материалов летней полевой школы-экспедиции, организованной центром “Сэфер” в 2014 г. Авторы статей сборника — преподаватели и студенты, принимавшие участие в исследованиях еврейского прошлого Лепеля в рамках этнографического и эпиграфического направления работы школы.

Материал сборника делится на три части. Первая, подготовленная участниками этнографического потока, включает в себя исследования истории лепельской еврейской общины и представлений местных жителей о евреях и еврейском прошлом городка и его округи. Часть статей этого раздела написана на основе интервью с информантами. Преподаватели и студенты эпиграфического потока

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 15-18-00143 “Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: Славяне и евреи”.

подготовили публикацию каталога лепельского еврейского кладбища. Это вторая часть сборника. Третья часть состоит из публикаций архивных источников по истории лепельского еврейства.

Текст первой части сборника открывается статьями К. КАРПЕКИНА [2015А; ИДЕМ 2015Б]. На материале опубликованных источников и архивных документов исследователь прослеживает историю общинных институций евреев Лепеля и судьбу синагог соседнего местечка Чашники. Особенно подробно автор останавливается на документах межвоенного периода, отражающих трагическую историю преследования еврейских религиозных организаций в 1920-30-е гг., наиболее интенсивного во время так называемой “безбожной пятилетки” 1929–1933 гг. Автор показывает, что ко времени начала нацистской оккупации и Холокоста были закрыты все синагоги в Лепеле и (за одним исключением) в Чашниках [Ibid.: 26, 33], а организованная религиозная жизнь местных евреев окончательно разгромлена.

Ряд статей сборника посвящен анализу этнокультурных стереотипов о евреях и еврейском прошлом города и окрестностей, распространенных в среде современного белорусского населения Лепельского района. Так, в статье А. МОРОЗА «Еврейский Лепель глазами сельских жителей» [2015] отмечается бытование в современном Лепеле и окрестных деревнях известных еще со средневековья традиционных народных поверий, связанных с евреями, — таких как “кровавый навет”, вера в существование особого еврейского чёрта — “Хапуна”, объяснение отказа евреев от свиноядения тем, что свинья — это “жидовская тетка”, представление о реальном существовании особого “еврейского запаха”.

Эти традиционные, насыщенные бинарными оппозициями, представления народной культуры о чужаке-иноверце, сочетаются, по наблюдениям автора, с реальным опытом общения с евреями — опытом как собственным, так и известным в пересказе родственников, друзей и знакомых. Похожие стереотипы белорусского населения относительно евреев и до сих пор встречаются у местных жителей. Случаи уверенности в особой магической силе иудейских ритуальных предметов (свитков Торы и Тфилин) были зафиксированы А. БАЗАРЕВИЧ [2015] в другом местечке Лепельского района — Ушачах.

Две статьи сборника посвящены судьбам пожилых женщин-носительниц устной народной традиции (белорусской и еврейской) и устной истории Лепеля. Работа Н. ПЕТРОВА [2015] представляет собой подробно прокомментированное, издание интервью с жительницей Лепеля М. К. Пшонко (род. 1935). Текст интервью интересен не только примерами многих распространенных стереотипов в отношении еврейского населения (вплоть до “кровавого навета”), но и любопытными свидетельствами о судьбе семьи Пшонко, трудностях быта в эвакуации и т. д. Публикация, подготовленная М. КОЖЕНЕВСКОЙ [2015], наоборот, является пересказом беседы с С. М. Лынько (род. 1946) — одной из последних на момент экспедиции живых представительниц еврейской общины города. Здесь любопытны собранные исследовательницей свидетельства о еврейской жизни послевоенного Лепеля, функционировании подпольных молитвенных собраний (миньянов) на квартирах и в частных домах горожан.

В нескольких статьях сборника рассматриваются свидетельства исторической памяти белорусского населения об имеющихся отношении к евреям местным

топонимам, достопримечательностям и историческим памятникам. Так, в статье В. Кухтиной и Н. Савиной [2015] “Неофициальная топонимия города Лепель” приводятся выдержки из интервью с информантами, содержащими до сих пор бытующие в городе объяснения названий тех или иных локусов, порой заметно отличающиеся от официальных. В своей статье исследовательницы публикуют подготовленную ими карту с нанесенными на нее неофициальными названиями районов Лепеля [ibid.: 54]. Есть там и еврейский район, локализуемый информантами в окрестностях улицы Володарского — традиционного центра поселения лепельских евреев.

Статья О. Беловой [2015], посвященная бытующим в городе фольклорным нарративам о еврейском кладбище, описывает непростую ситуацию вокруг существующих в городе массовых представлений о местном иудейском некрополе, а также поминальных и погребальных обрядах иудаизма. Как отмечает автор статьи, образ кладбища неизменно присутствует в рассказах обитателей города о его еврейском прошлом. И это при том, что далеко не все информанты сами когда-либо сами бывали на еврейском кладбище [ibid.: 92]. Однако, несмотря на это, в материалах, собранных и проанализированных О. Беловой, находят отражение некоторые реальные особенности исторического развития и топографии кладбища — такие как частичное затопление и разрушение многих захоронений вследствие эрозии, вызванной сооружением ГЭС, или хорошо заметные различия между старым и новым, послевоенным, участками кладбища. Эти особенности отмечают [Бахтадзе et al. 2015: 117–118] и авторы каталога надгробий.

Также в статье отмечаются некоторые новые явления в погребальной обрядности евреев Лепеля — такие как присутствие на надгробиях последних лет христианской символики и появление традиции хоронить нееврейских родственников на еврейском кладбище. Примеры такой практики представлены и в каталоге Бахтадзе et al. 2015: 304, № 334]. Информанты отмечают постепенное смягчение жесткой этно-конфессиональной дифференциации городских кладбищ на православное (русско-белорусское), польское (католическое) и иудейское в конце XX – начале XXI в., хотя часть из них по-прежнему воспринимает как уходящую традицию как норму [Белова 2015: 106].

Наконец, статья местного краеведа В. Тухто [2015] содержит весьма полезную информацию по истории еврейских кладбищ Лепельского района. Автор отмечает существование двух небольших иудейских некрополей в деревнях Камень и Пышно и кратко останавливается на судьбе памятников на месте массовых захоронений евреев, уничтоженных нацистами и их пособниками около деревень Камень и Черноручье. В Черноручье в братской могиле похоронено около двух тысяч человек, из которых примерно половина — узники Лепельского гетто. Интересно сопровождаемое фотографией описание памятника “жертвам фашизма” в деревне Камень. На нем шестиконечная звезда была целенаправленно заменена на пятиконечную, а в тексте надписи на памятники намеренно стерто слово “еврей”.

Кроме того, автор отмечает, что в ходе экспедиции 2014 г. не удалось подтвердить представленную в четвертом томе издания “Археалогія Беларусі” версию о существовании еврейского кладбища возле деревни Большие Таранковичи. Статья В. Тухто проиллюстрирована фотографиями нескольких сохранившихся

надгробий и охеля (напоминающего мавзолеем надмогильного сооружения). К сожалению, это не профессиональные эпиграфические публикации, хотя на некоторых фото хорошо читаются даты — 1870 и 1870/1 гг. [Тухто 2015: 89].

Во второй части сборника публикуется каталог еврейского кладбища Лепеля, насчитывающий 403 номера. Самое раннее сохранившееся датированное надгробие относится к 1789 г., самое позднее было установлено в 2013 г. Публикацию текстов эпитафий предваряет вступительная статья [БАХТАДЗЕ ET AL. 2015: 117–120], содержащая краткую характеристику кладбища и изложение общих принципов публикации текстов эпитафий. Авторы каталога оговаривают единые требования к передаче текстов, которым стараются следовать при публикации надгробий.

Издание каждого памятника включает в себя фотографию его лицевой стороны, содержащей текст эпитафии, описание физических параметров (линейные размеры, материал и классификация по типу формы), расшифровку текстов эпитафии на языке оригинала (как правило, это иврит или русский, а в случае № 364 — идиш) и их переводы на русский (при необходимости) и английский языки. В случаях, если оригинальный текст эпитафии — русский, перевод на этот язык не приводится. Исключениями являются те надгробия, для которых оригинальными языками эпитафии являются и русский, и иврит (например, №№ 221, 344). Правда, в некоторых случаях, (например, для № 238) заметны отступления от этого правила. Также авторы не оговаривают различия в размерах кегля шрифта при публикации расшифровок части надгробий на новом участке кладбища.

Заглавная часть публикации каждого памятника включает в себя его номер и имя погребенного вместе с фамилией (при наличии), патронимом и годом смерти. Памятники без сохранившейся надписи опубликованы с указанием только типологии формы и физических параметров.

Фотографии выполнены весьма квалифицированно. Они отражают ориентацию памятников по сторонам света, и в большинстве случаев их размер и качество позволяют сверить текст эпитафии на камне с имеющейся в публикации расшифровкой. Единственным заметным недочетом, на который хотелось бы обратить внимание издателей, можно назвать расшифровку эпитафии № 344 (Мера Залмановна Фейгельман), где в издании исправлена “ошибка” в отчестве покойной, заметная по фотографии. На камне в русской части текста эпитафии выбито “Заумоновна”.

Как уже было отмечено выше, лепельское кладбище состоит из двух участков — старого (№№ 1–206) и современного (№№ 206–402). Большинство эпитафий нового участка выполнены на русском языке или содержат незначительное количество текста на иврите и почти лишены традиционных иудейских религиозных символов. Форма и типология памятников на новом участке, как правило, не отличается от аналогов, встречающихся на современных кладбищах позднесоветской и постсоветской эпохи. Нумерация памятников в каталоге отражает порядок номеров, присвоенных им в процессе работы экспедиции в поле. Географическое их расположение наглядно позволяет себе представить топографический план кладбища, опубликованный на внутренней части задней стороны обложки книги.

Очень полезны для работы с каталогом подготовленные исследователями индексы встречающихся в эпитафиях имен, дат, фамилий и географических названий. Также имеется указатель типологии встречающихся на кладбище форм надгробий. Особенно полезным для исследователей может оказаться указатель фамилий, отчасти пересекающийся с опубликованным в третьей части сборника списком евреев Лепеля. Последнее особенно существенно, в виду того что авторы каталога отмечают раннее (еще со второй половины XIX в.) и очень широкое распространение в Лепеле традиции указывать фамилию покойного в тексте эпитафии [БАХТАДЗЕ ET AL. 2015: 117].

Таким образом, несмотря на незначительные технические ошибки, каталог еврейского кладбища Лепеля обречен стать незаменимым пособием не только для местных краеведов, но и для широкого круга специалистов, интересующихся историей и культурой евреев Белоруссии.

Очень полезным для исследователей может оказаться третий раздел сборника, включающий в себя публикацию материалов по истории города и его еврейской общины. В него вошли публикации мемуаров еврейских жителей [Лифшиц 2015; Крылова 2015] и списки отдельных групп евреев Лепеля и Чашников. Среди них имеются один общий список евреев, проживавших в Лепеле в 1922 г. и несколько перечней отдельных групп еврейского населения: неграмотных, детей, членов религиозной общины и т. д. Большинство списков фиксируют данные о численном и демографическом составе еврейского населения Лепеля и его ближайших окрестностей в период 1921–1923 гг., вскоре после завершения Советско-польской войны и окончательного утверждения советской власти в Восточной Белоруссии. Правда, один из них (“Сведения о евреях г. Лепеля, составленные на основании запросов горожан, Лепельского уездного военкомата и справок, выданных отделом ЗАГС лепельского уисполкома”) не датирован. На сс. 485–492 опубликован устав Лепельского общества помощи бедным евреям. Оригиналы публикуемых в этом разделе документов хранятся в Государственном архиве Витебской области, Национальном историческом архиве Беларуси и в личных семейных архивах лепельских евреев. Публикации были подготовлены К. Карпечкиным и М. Коженевской.

К сожалению, в этом разделе нельзя не заметить одну небольшую неточность, вероятно, возникшую вследствие недоразумений технического характера. В переводе статьи о Лепеле из пятого тома польского географического словаря 1880–1902 [SGKP 1884: 149–151] ошибочно указано, что город расположен под 54°53' ю ж н о й ш и р о т ы [Амосова 2015: 351], что совершенно невозможно, учитывая его нахождение в северном полушарии, и не очень вяжется с характеристикой Лепеля в оригинальном тексте словаря: “Lepel, miasto powiat. gub. witebskiej, leży pod 46°52' dłg. wsch. i 54°53' szer. półn”.

В заключение стоит отметить, что сборник “Лепель. Память о еврейском местечке”, несомненно, достоин того, чтобы быть рекомендованным не только специалистам по истории и этнографии Белоруссии или исследователям славяно-иудаики, но и широкому кругу читателей.

Библиография

АМОСОВА 2015

АМОСОВА С., отв. ред., *Лепель: память о еврейском местечке*, Москва, 2015.

БАЗАРЕВИЧ 2015

БАЗАРЕВИЧ А., “Еврейское население в народной традиции г. Ушачи и окрестностей: этноконфессиональные стереотипы”, in: [АМОСОВА 2015: 84–87].

БАХТАДЗЕ ET AL. 2015

БАХТАДЗЕ Д., ВЕРХОЛЕВСКИЙ Ю., ГОРДОН М., ДИМЕНШТЕЙН Р., ДУБИНЧИНА Е., ДЯКИВА Е., КАРАСЁВА Е., КОТИК А., КРУМПЛЕВСКИЙ В., ЛЕНЬ Ю., МЕЛЬНИК Д., ОМОНОВ Н., СОЛОМАТИНА Т., ТОЛЕРЁНОК Е., “Каталог еврейского кладбища города Лепель”, in: [АМОСОВА 2015: 115–347].

БЕЛОВА 2015

БЕЛОВА О., “Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей”, in: [АМОСОВА 2015: 92–114].

КАРПЕКИН 2015А

КАРПЕКИН К., “«Они жили в этом городе. . .»: Очерки истории лепельских евреев в 1840-е–1930-е гг.”, in: [АМОСОВА 2015: 15–28].

——— 2015Б

КАРПЕКИН К., “История чашникских синагог: 1920–1930-е гг.”, in: [АМОСОВА 2015: 29–34].

КОЖЕНЕВСКАЯ 2015

КОЖЕНЕВСКАЯ М., “В гостях у Серафимы Моисеевны”, in: [АМОСОВА 2015: 81–83].

КОПЧЕНОВА 2013

КОПЧЕНОВА И., отв. ред., *Желудок: память о еврейском местечке*, Москва, 2013.

КРЫЛОВА 2015

КРЫЛОВА А., “Мои лепельские корни”, [АМОСОВА 2015: 360–365].

КУХТИНА, САВИНА 2015

КУХТИНА В., САВИНА Н., “Неофициальная топонимия города Лепель”, in: [АМОСОВА 2015: 53–67].

ЛИФШИЦ 2015

ЛИФШИЦ В., “Главным в жизни для него была работа: Воспоминания об отце Моисее Лившице из местечка Камень Лепельского района”, in: [АМОСОВА 2015: 354–359].

МОРОЗ 2015

МОРОЗ А., “Еврейский Лепель глазами сельских жителей”, in: [АМОСОВА 2015: 35–52].

ПЕТРОВ 2015

ПЕТРОВ Н., “«На меня всё говорят: ‘ты на яўрейку похожа!’»: Индивидуальное интервью в системе знаний о традиции”, in: [АМОСОВА 2015: 68–80].

ТУХТО 2015

ТУХТО В., “Еврейские кладбища Лепельского района”, in: [АМОСОВА 2015: 88–91].

SGKP 1884

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, 5, Warszawa, 1884.

References

- Bazarevich A., "Ethno-confessional Stereotypes about Jews in the Popular Tradition of the Town of Ushachi and its Surroundings," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 84–87.
- Belova O., "The Jewish Cemetery in Narratives of Residents of Lepel and Surroundings," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 92–114.
- Karpekin K., "They Lived in This City: Essays on History of Lepel Jews in 1840s–1930s," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 15–28.
- Kopchenova I., ed., *The Shtetl of Zheludok in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2013.
- Kukhtina V., Savina N., "Unofficial Toponymy of the Town of Lepel," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 53–67.
- Moroz A., "Jewish Lepel in the Eyes of Countrymen," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 35–52.
- Tukhto V., "Jewish Cemeteries of Lepel District," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 88–91.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 15-18-00143.

Борис Евгеньевич Рашковский, канд. ист. наук
Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени
М. И. Рудомино, старший научный сотрудник группы религиоведения
109189 Москва, ул. Николоямская, д. 1
Россия/Russia
borisevg@gmail.com

Received December 13, 2016